

ДУГАЛД СТЮАРТ: ОТ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ К ПОЛИТЭКОНОМИИ

Работа представлена кафедрой социально-культурных технологий Мурманского филиала Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций.

В статье рассматривается сущность морально-этической концепции Дугалда Стюарта; выявляются особенности моральной философии, ее исследователя в Шотландии XVIII в.; анализируется отношение разума и этики, политэкономии, теории управления и права в понимании Стюарта.

Ключевые слова: *Дугалд Стюарт, разум, моральная философия, политэкономия.*

L. Gur'yevskaya

DUGALD STEWART: FROM MORAL PHILOSOPHY TO POLITICAL ECONOMY

The article is devoted to the essence of Dugald Stewart's moral and ethic conception. The features of moral philosophy of its investigator in Scotland of the 18th century are revealed. Stewart's realisation of the attitude between reason and ethics, political economy, theory of government and law is analysed.

Key words: *Dugald Stewart, reason, moral philosophy, political economy.*

Как известно, в XVIII столетии наука о морали трактовалась как наука, занятая осмыслением духовно-нравственной природы человека. Основное внимание было сосредоточено на содержании вопросов общественной жизни и государственной законности, социальной философии, политики, права, эстетики. Философия была центральным аспектом культуры шотландского Просвещения, которое опиралось на университеты Эдинбурга, Глазго и Абердина. Располагая мощным интеллектуальным потенциалом, университеты добились большого прогресса в изучении моральной философии.

Философ XVIII в. был ученым, учителем, лектором, воспитателем и моралистом.

Среди замечательных ученых Эдинбургского университета выделяется Дугалд Стюарт (1753—1828), с предельной полнотой олицетворявший эту черту шотландского Просвещения. Его считают первым летописцем европейской философии для британской аудитории и первым историком данной эпохи. В целом следует отметить, что творчество Стюарта недостаточно изучено отечественными историками философии. В этой связи актуальным представляется рассмотреть идеи шотландского

мыслителя XVIII в., которые в эпоху Просвещения были довольно популярны и широко распространены.

В 1793 г. Стюарт пишет «Основы моральной философии», где пытается создать прочный фундамент для своей морально-этической концепции. Можно выделить четыре компонента моральной философии шотландского мыслителя. Первый связан с пониманием науки о сознании (пневматика), ментальной философии об интеллектуальных способностях человека, или разума. Второй касается этики: наших деятельных способностей, т. е. наших способностей эстетического и морального суждения и нашего умения контролировать волю. А также политэкономия и формы управления, при которых человек рассматривался как член государства, имеющий законное счастье в обществе. Наконец, абстрактные спекуляции по математике и физике (метафизика) [1, v. 2, p. 12].

Согласно пониманию Стюарта, главным является разум. В отношении этики философ подчеркивал, что она подвластна разуму, и ставил ее в классификации наук на одно из первых мест. Он считал науку о морали ориентиром в достижении человеком счастья, отмечая, что «изучение счастья, и личного, и общественного, становится важной частью науки этики» [1, v. 7, p. 364]. Философа занимали вопросы нравственности, личной тождественности, поиск «общих правил мудрого и добродетельного поведения в жизни» [1, v. 2, p. 11], которые ведут к счастью. Стоит сказать, что как исследователь моральной философии он скорее касался этического вопроса, как мы должны жить, чем исторического вопроса, как мы жили. Обращаясь к проблемам этики, Стюарт рассматривает любые чувства как нечто менее ценное по сравнению с разумом. Например, он пишет: «Нравственное превосходство проявляется, очевидно, чтобы установить главное совершенство человеческого разума» [1, v. 7, p. 123].

По Стюарту, наука о морали как естественная наука является индуктивной и описательной, и обе науки способствуют более понятному откровению организованного мира, которое ясно подчеркивает божественное Провидение. Вся наука поэтому имеет нравственную мис-

сию, которая подкрепляет веру в Провидение, «и мы не можем не рассматривать моральные атрибуты Бога как притязание, в особом смысле, на нашу любовь и обожание, также как его мудрость или власть» [1, v. 7, p. 123]. Применяя фразу «моральные атрибуты», Стюарт пытается доказать благожелательные намерения во Вселенной и моральное управление человеком посредством наград и наказаний. Другими словами, склад человеческого ума доказывает, что награда добродетели и наказание пороку являются целью общих законов, по которым правят миром [1, v. 7, p. 120]. Кроме того, самая большая разница в философском статусе между наукой о морали и естественной наукой состоит в том, что последняя связана с теми существами, у которых нет интеллектуальных и деятельных способностей, цели, точки зрения.

Важно подчеркнуть, что шотландский мыслитель старался утвердить власть моральной философии и защитить роль философа, занимающегося вопросами морали и нравственности, в свете возросшего престижа экспериментальных наук в то время. Следует иметь в виду, что когда Стюарт занял кафедру этики (1785–1809), роль и положение исследователя моральной философии «во главе университета» были неприкасаемыми. Моральная философия была основной образовательной дисциплиной в Эдинбургском университете и занимала центральное положение относительно культурных ценностей Шотландии. Но в 1790-х гг. сильная политизация философии оказала пагубное влияние на интеллектуальную жизнь столицы страны. В начале нового века моральная философия подверглась открытым нападениям, однако сохранила свою интеллектуальную власть, прежде всего благодаря появлению философии «здорового смысла», которая началась с Рида в Абердине и Глазго и закончилась Стюартом в Эдинбурге. В теории познания последнего с точки зрения морали рассматривались природные нравственные качества и способности объекта, которые объясняли моральное суждение и поведение.

Можно утверждать, что во взглядах Стюарта на роль исследователя моральной философии стали появляться новации. Без сомнения, он

создал новый тип личности философа, исследующего вопросы этики путем анализа обычных интеллектуальных поисков воздействия на интеллектуальную и нравственную личность. При этих обстоятельствах было неудивительно, что профессора моральной философии, защищающего и саму философию, и ученого-философа, считали «агентом изменения».

Нельзя не сказать, что взгляды Стюарта интерпретации этики выражались в отрицании им ее религиозных основ, нравственность рассматривалась как автономная и не зависящая от закона и Бога. Он полагает, что «изучение естественной религии не следует рассматривать как основание моральной философии» [1, v. 7, p. 124]. В связи с этим Стюарт по-новому ставит вопрос об интеллектуальной личности вне традиции естественной теологии. В то же время здесь необходимо сказать, что полного освобождения морали от религии, секуляризации нравственности Стюарт не утверждал. К примеру, намерение религии связывалась у него с «исследованием нравственности человека» [1, v. 7, p. 124].

Вследствие того, что Стюарт был озабочен нравственным совершенством человека, огромное внимание уделялось им воспитанию. Это позволяет, на наш взгляд, определить новую роль моралиста, которая заключалась в обучении и воспитании ребенка разумным, независимым и с критическим мышлением взрослым. Философ уверен, например, воображение «с младенчества в большей степени арбитр счастья или страдания» [1, v. 2, p. 499]. В рассуждениях Стюарта четко прослеживается мысль, согласно которой отличительной особенностью человека является его духовная и интеллектуальная составляющая, религиозные и политические верования, формирование которых «имеет далеко идущее влияние на личность человека и счастье» [1, v. 2, p. 316].

Неудивительно поэтому, что Стюарт через лекции по моральной философии и собственные произведения привлекал в невиданном ранее количестве как местных студентов, так и студентов из Англии, Европы и Америки. Значение этого в полной мере проявилось в том, что наука о морали приобрела первоочередное значение в морально-нравственном

образовании широких слоев населения Шотландии. Именно по этой причине философский подход к проблемам времени, разработанный в трудах Стюарта, оказался в значительной степени вдохновением для группы молодых людей, которые создали *Edinburgh Review* и составили самую мощную силу вигов в стране. Во всяком случае, Стюарт приподнял репутацию своего университета, Эдинбург оказался в центре европейского образования.

К тому же успех науки о морали возрастал, и вряд ли можно было его остановить, чему, несомненно, способствовали представления Стюарта о будущем, проистекающие из склада ума. В качестве доказательства в труде «Философия деятельных и моральных способностей» он предлагает метафизический (*metaphysical argument*) и моральный (*moral argument*) аргументы. Добывают их главным образом из сравнения состояния человека в настоящих обстоятельствах, а объединенные вместе они приятнее и выразительнее доказывают больше, чем любое убеждение, проистекающее из метафизического исследования. Стюарт подчеркивает, что моральный довод в пользу будущего состояния открывает разуму такую широкую или безграничную сферу размышления, что он должен обратить внимание на следующие характерные черты.

Во-первых, естественное *желание* бессмертия и ожидание событий будущего, вдохновленного надеждой. Желание и ожидание нельзя путать ни с принципом самосохранения у животных, ни даже с любовью к жизни, которая естественна для каждого в добром здравии и духе человека, чье положение в мире легкое и удобное. Желание бессмертия проистекает из нашей рациональной *природы*, из наших пылких стремлений к превосходству и совершенству и самосохранению, которого мы достигаем благодаря нашим способностям. С другой стороны, там, где надежда и вера искоренены из разума в силу привычки к беспутному образу жизни или расточительству и где плотские наслаждения считаются единственными составляющими счастья, скупая и трусливая любовь к жизни господствует. Заслуживает внимания тот факт, что желание бессмер-

тия — самое сильное и благоразумное у людей, которые посвятили свои жизни поиску знания и применению добродетели [1, v. 7, p. 180–183].

Стюарт высказывает еще одно предположение в пользу будущего состояния посредством наслаждения в противоположность концепциям о счастье и совершенстве, которые мы способны создать. С этой целью он определяет разные представления о счастье. Первое находится в интеллектуальных и моральных желаниях, которыми мы можем наслаждаться в последний момент жизни и которые можем почувствовать от наслаждения гораздо больше совершенством, когда душа отделена от тела. Другое представление находится в животных удовольствиях, свойственных определенному периоду жизни, за который мы теряем свою прелесть и платим годами и который, по всей вероятности, будет ограничен этой первой и низшей фазой нашего существования [1, v. 7, p. 185].

Стюарт отмечает и другую роль нашей природы, которая может иметь отношение к будущему состоянию. Как он пишет, «многие из моих исследований скорее о будущем, чем об исторической или ретроспективной природе» [1, v. 8, p. 31]. Наши нравственные привычки продолжают улучшать последний час жизни, что подтверждается в замечательной степени теми болезненными и затыжными усилиями, которые предшествуют нашей смерти. Наши моральные привычки способны улучшить прошлое и не только выполнять наши обязанности в обществе, но и обучать нас для еще одного существования, что применимо также к нашим интеллектуальным желаниям [1, v. 7, p. 198].

Этика касается тех существ, которые живут не только сейчас, но для будущего и действуют в свете такого понимания, на что указывает Провидение. Нельзя отрицать, что эти результаты включали подробное понимание динамики всего социального изменения в стране и последствий, регулирующих их. В данном вопросе необходимо учитывать следующий факт. В действительности, при моральном управлении Бога распределение (distribution) счастья и страдания в человеческой жизни в большей мере случайное. Этот факт дает основание предположить, что должно быть будущее существо-

вание, чтобы исправить непостоянство настоящего события. Как заключает шотландский профессор, не разумнее было бы признать, что мысль о будущем состоянии есть полностью несбыточная мечта, или если такая идея должна быть реализована, распределение счастья и страдания продолжается как неразборчивое, как мы узнали по опыту [1, v. 7, p. 200].

Для разъяснения вышеуказанного положения философ указывает на то, что наша собственная моральная природа — это часть схемы Провидения не менее чем порядок внешних событий в надежде и ожидании, что эти концепции когда-нибудь сбудутся. Удачное влияние веры на поведение и удовольствия людей также склонно подтвердить вероятность будущего состояния, которое такое замечательное, что считалось простым изобретением политиков с целью сохранить надежный порядок в обществе и увеличивать счастье человеческой жизни. Приведя доводы в пользу будущего состояния, Стюарт снова повторяет, что доказательство, с помощью которого разум проливает свет на предмет, есть лишь мораль (moral) или вероятный выбор (probable), а отнюдь не доказательство (demonstrative nature) [1, v. 7, p. 216]. Стюарт через настоящее стремится обратить взор людей в будущее, таким образом подчеркивая роль науки о морали, которая должна описывать вероятную возможность будущего человеческого состояния. В этом заключается один из важнейших вкладов Стюарта в философский спор позднего Просвещения.

Особый интерес в творчестве философа вызывала политэкономия, которая обязана своим распространением в Шотландии во многом лекциям Стюарта. Он был первым, кто предложил читать курс по этому предмету в Эдинбурге, в отличие от Оксфорда и Кембриджа, где не было профессора моральной философии и никто не читал лекции по политэкономии. В творчестве Стюарта как теоретика морали политэкономия была частью моральной философии, так или иначе «наука о нравственности и о политике связаны друг с другом» [1, v. 8, p. 17]. Это основная особенность.

К тому же Стюарт указывает на две отрасли политической науки: теория управления и политэкономия. Последняя непосредственно связана с человеческим счастьем и улучшением и поэтому дает право в первую очередь на внимание студента. Но это не все. Знание политэкономии обязательно для понимания и сравнения разных форм управления. С этой точки зрения объяснение Стюарта указывает на то, что политэкономия можно изучать без ссылки на конституционные формы не только потому, что законы можно исследовать, не обсуждая их первоисточник, а потому, что есть много законов политэкономии, которые можно санкционировать правительствами по-разному в их конституциях. Далее замечено, что «некоторые таким существенным образом связаны со счастьем общества, что никакое правительство не может нарушить их без противодействия самим целям, для которых правительство создано» [1, v. 8, p. 24].

Стюарт уделяет особое внимание системе взаимоотношений между теорией управления и политэкономией, которую он отличал от юриспруденции и теории управления. Две последние были связаны с институтами, которые достойно служили людям и продолжали бы свою деятельность в прогнозируемом будущем. Тем не менее по мере приближения человечества к будущему обществу непринужденной гармонии законное принуждение и проявление политической власти стали бы менее необходимыми. Следовательно, изучением права и управления не следует пренебрегать, их следует видеть в перспективе.

Для Стюарта политэкономия становится доминирующей над теорией управления, потому что она была решающей для человеческого благосостояния, в то время как действительная форма управления была вторичной. Стюарт утверждает, что особая система политэкономии установлена в любой стране, которая сразу рассчитывает на счастье людей; есть отдаленная тенденция, что благоразумные формы правления должны создавать благоразумные системы политэкономии, которая в большой степени проявляет полезность пер-

вых [1, v. 8, p. 21–22]. Стюарт изучал человека как члена политического органа.

Политические спекуляции о соответствующих достоинствах традиционных форм правления были особенно обманчивыми, так как заставляли верить, что источник власти сам по себе определяет качество ее деятельности и ее результаты. Демагоги демократии склоняют население надеяться, что власть, данная в большем количестве, явилась бы результатом большего счастья. Стюарт с точки зрения морали склонен увидеть политику и до определенной степени законодательство как необходимое средство в переходе к будущему, которое политэкономия и объясняет [1, v. 2, p. 834].

Ученый пытался создать уживчивую «либеральную» философию в глубоко беспокойные времена. Центральным был взгляд на личность, который, казалось, подводит баланс между пользой современной науки о разуме и потребностями моральности и религии. Он избежал папистского и высокого англиканского мистицизма о душе как бестелесной субстанции, сохранил личное тождество, свободу воли, совесть и другие деятельные силы. При перемещении в политическую сферу, как сказано выше, эта точка зрения на человеческое состояние была уверенно «консервативной», так как она ослабляла значение политики, особенно демократической политики.

В отношении узких дисциплин, Стюарт отождествляет право и политэкономия, причём юриспруденция — это часть политэкономии, которую он определяет как науку, «которая не ограничена особым описанием законов, или особой области общей науки о законодательстве» [1, v. 8, p. 16]. В то же время он виртуально отказывается от политики в узком смысле слова, т. е. теории управления, как от научной дисциплины. Наконец, с легкостью полагает, что политэкономия в этом смысле — прямое продолжение моральной философии, и поясняет, что он видит себя в качестве продолжателя шотландской академической традиции. Вместе с тем в политэкономии нет места для теоретической функции истории, юриспруденции принадлежит вспомогательная роль в более всесторонней дисциплине, что характерно именно

для Стюарта. Таким образом, не найдя решения для юриспруденции, философ «здорового смысла» реконструировал политэкономия как моральную философию. С одной стороны, он верит в спонтанный порядок, с другой — настаивает на моральной философии как главном агенте нравственного совершенства, что предполагает еще одно отличие его политэкономии.

Бесспорно, Стюарта можно по праву называть ярчайшим представителем в истории философии XVIII в., творчество которого созвучно с основными идеями эпохи шотландского Просвещения и которому принадлежит видное место в этой новой ситуации. Эклектичная философия Стюарта стала одним из самых важных ключей к пониманию трансформации идей Просвещения [2, р. 835] в Шотландии. Основные вопросы могут быть сведены к следующему.

Стюарт был новатором и сформулировал новые идеи, касающиеся первенства моральной философии. Само понятие «моральная философия» характеризуется двумя дополнительными чертами. Первая связана с пониманием нравственных качеств — минимальных атрибутов поступков, которые аналогичны первичным качествам материи, другая отличительная черта касается реальности моральных ценностей как объектов разума. Как хорошо видно по трудам Стюарта, акцент сделан на науку о разуме, этике, политэкономии, каждой из которых свойственно определенное понимание морали, ее природы и роли, которую она исполняет в жизни человека и общества. С позиций этики особое место принадлежит трактовке счастья.

Как уже сказано выше, в споре о ценности философского образования в Шотландии моральная философия подвергалась нападкам, возникали вопросы о ее полезности, важности, роли и уместности в современной системе образования [2, р. 833]. Несмотря на трудности, моральная философия занимала командные высоты в светском образовании Эдинбурга, тогда как Оксфорд и Кембридж были под прямым контролем англиканской церкви. Что касается политэкономии, она даже не рассматривалась в этих университетах.

Рецепция представленного Стюартом курса по политэкономии в 1800 г. демонстрировала возможности исследователя моральной философии даже по спорному предмету в постреволюционном климате. Стюарт имел возможность продвигать политэкономия под защитой моральной философии, и, открывая ее для общественности, расширил сферу деятельности философа, занимающегося вопросами этики. Много молодых людей из Англии приехали в Эдинбург для окончания образования и были вовлечены Стюартом в науку о разуме и морали. Будущее становилось настоящей силой со своим собственным пониманием благодаря широкому распространению образования в Шотландии, и в особенности появлению печатного станка.

Здесь следует отметить, что в конечном итоге Стюарт отошел от моральной философии и сосредоточил внимание на моральном философском «self», по-своему осознавая эту задачу. Он позиционировал моральную философию как решающее обрамление для науки и специально осмыслил понятие философского отшельника, особенно подходящего для теоретика морали, который «смотрит повсюду». Это был довод в пользу науки о разуме на основании ее влияния, с точки зрения морали, на индивидуума. Стюарт анализирует и обосновывает обращение к взаимодействию профессионального интеллектуального стиля с личной жизнью.

Для признания личности исследователя моральной философии Стюарт прибегает к описанию личности ученого-экспериментатора, аргументируя контраст с философом, имеющим относительно спокойные цели: математик, поэт и женщина [1, в. 4, р. 188]. В этих ответах Стюарт следует этической традиции предлагать интеллектуальные переоценки. Но в отличие от своих предшественников (таких как Рид), Стюарт занимал оборонительное положение [4, р. 200]. Не говоря уже о том, что философ четко сформулировал необходимость исторического прогресса и способность людей к совершенствованию через образование и социальную реформу Просвещения, которое было, впрочем, дискредитировано связью с французской революцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Collected Works of Dugald Stewart, the: in 11 v. / ed. by Sir William Hamilton, a new intr. by Knud Haakonssen. Bristol: Thoemmes Press, 1994.
2. *Haakonssen Knud*. Dugald Stewart // Dictionary of Eighteenth-Century British Philosophers / ed. by J. Yolton. Bristol: Thoemmes press, 1999. V. 2. P. 831–835.
3. *Haakonssen Knud*. From Moral Philosophy to Political Economy: The Contribution of Dugald Stewart // Philosophers of the Scottish Enlightenment / ed. by V. Hope. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1984. P. 211–232.
4. *Tannoch-Bland J*. The Primacy of Moral Philosophy: Dugald Stewart and the Scottish Enlightenment: Ph.D. dis. Brisbane: School of Humanities, Griffith University, 2000.